

О.А. Персидская

КОГЕРЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ТОПИКАХ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА И БЕСПОРЯДКА: К КОНЦЕПТУ ИНТЕРСТИЦИАЛЬНОГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Значительная часть теорий социальной философии, описывая подходы к когерентности социальных процессов, имплицитно обосновывает структуры, которые сформировались в соответствии с идеей социального порядка. Для расширения арсенала социальных наук предложено обратиться к топике социального беспорядка. Как пример теории, допускающей беспорядок, приводится подход М. Манна и концептуализированный им феномен интерстициального возникновения. Подход эвристичен для выявления факторов и закономерностей социальной динамики и способен дать особую интерпретацию течению социальных процессов.

Ключевые слова: социальная философия; теории социальных наук; когерентность социальных процессов; социальный порядок; социальный беспорядок; интерстициальное возникновение; М. Манн

Введение. В общем плане когерентность определяется как принцип, в соответствии с которым все существующее находится во взаимосвязи. В социальной философии представление о когерентности социальных процессов имеет отношение к убеждению о наличии всеобщей взаимосвязанности и взаимозависимости элементов социальной среды и процессов макро- и микроуровней, протекающих в ней. Когерентность является отправной точкой для большинства социальных теорий, так как невозможно описать общество как целое без того, чтобы не обозначить параметры и механизмы согласованной связи его элементов.

Анализируя принцип, на основании которого социальные теоретики выстраивают свои подходы и как описывают когерентность социальных процессов, можно заметить, что значительная часть построений на абстрактном уровне восходит к идее социального порядка. Эта идея является прологом к тому, чтобы помыслить общество как феномен, части которого находятся в процессе непрерывной подгонки друг к другу, в процессе постоянного *упорядочивания* элементов в рамках целого для улучшения функционирования всей системы общества. При этом элементы, грозящие системе разрушением ее целостности, зачастую рассматриваются как нечто дисфункциональное и аномичное – иначе говоря, как социальный беспорядок. Рассмотрим некоторые конкретные примеры таких теорий.

Теории социального порядка в формировании представлений об обществе. К представителям «теорий социального порядка» [1] можно отнести, например, Т. Гоббса, который, исходя из пессимистичного взгляда на сущность человечества, предложил решить проблему достижения социального порядка через учреждение доминирующей политической инстанции – государства. М. Вебер выводит социальный порядок, основанный на регулярности (и воспроизводимости) социального действия из нормативных представлений, которые регулируют способы достижения индивидами своих целей. Устойчивость порядка возможна лишь в случае легитимности его оснований, которая достигается за счет сочетания привычки, обычая, целерациональной составляющей действия и престижа: «Порядок, устойчивость кото-

рого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения). Однако последний еще несравненно более лабилен, чем порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, то есть чем порядок, обладающий “легитимностью»» [2. С. 478]. Т. Парсонс видит решение проблемы порядка в интересубъективно значимой системе ценностей, причем даже целерациональное действие актора формируется с оглядкой на нее. Важно, что у Т. Парсонса институты выступают в качестве нормативных образцов или комплексов норм, предписывающих индивидам способы поведения, и тем самым через общее для всех видение мира создается общественный порядок [3].

В теории социокультурной динамики П.А. Сорокина когеренция (coherence) определяется как необходимое условие для формирования логикосмысловых интеграционных связей социокультурного единства. Такая связь социальных структур в рамках единой социокультурной системы является высшей формой интеграции, «сверхинтеграцией». П.А. Сорокин приводит свою иерархию уровней социокультурной интеграции: к низшему уровню относится солидаризация, основанная на подчинении, или причинная сплоченность, а на высшем – солидаризация в форме согласованности [4. С. 42]. Не сложно заметить, что, к какому бы уровню ни относилась социокультурная система, ключевые параметры, которые присущи ей – это солидарность, сплоченность, причастность, интеграция, то есть характеристики, имеющие отношение скорее к порядку, чем к беспорядку.

Анализ приведенных и других социальных теорий позволяет сделать заключение о том, что идея социального порядка является одной из центральных в социальной философии и имплицитно влияет на представление об обществе у значительной части социальных теоретиков. Таким образом, теории и концепции выстраиваются вокруг определения условий становления и устойчивого существования порядка, а также описания его различных форм.

Статус социального беспорядка для общественных теорий. В то же время значительно меньшее внимание уделяется разным видам дисфункциональности, экстерналии и прочим непреднамеренным социальным последствиям самого порядка [1. С. 142]. Наиболее часто встречаются два способа, которыми в социальном теоретизировании решается проблема социального беспорядка. В соответствии с первым, он трактуется как «социальная аномия, состояние атомизации общества, разрушения установленных ранее норм и правил солидарной общественной жизни, возвращение к состоянию “социальной безнормальности”» [5]. Такой подход предполагает, что беспорядок должен быть преодолен, а общество рано или поздно вернется к состоянию порядка. Здесь социальный беспорядок в основном находится вне границ теоретико-методологического осмысления. Второй способ имеет отношение к пересмотру конкретной теории общества – раз она не может объяснить тех или иных явлений и вынуждена отнести их к области непонятного, непредсказуемого, непрогнозируемого (или, в соответствии с логикой данной статьи, к области беспорядка), следовательно, теория недостаточно адекватна и требует уточнения. Таким образом, если при реализации первого способа тема социального беспорядка явно уступает теме порядка в объеме и глубине теоретико-методологической рефлексии, то при втором беспорядок вообще лишается самостоятельного онтологического статуса.

Однако существуют подходы, в которых социальный беспорядок находится практически в центре теоретической схемы. Автором одного из таких подходов является знаменитый американский и британский макросоциолог, продолжатель неовеберовской традиции, доктор философии, профессор Майкл Манн.

М. Манна можно отнести к сторонникам условной теории «путаницы и недоразумений» («sock-up-foul-up theory») [6], так как в своем подходе к описанию социальных процессов особое место он оставляет воле случая. Даже говоря о факторах генезиса государства, он заключает: «Государство – это не сговор, а путаница... Государство есть не нечто функциональное, а сплошное недоразумение» [7. Р. 53].

В теоретико-методологическом плане исследователь еще более провокативен: описывая социальные процессы, он, по сути, отказывается от понятия общества как от исходной онтологической категории, перенося фокус своего анализа на отношения между сложно организованными сетями власти (отметим, что он использует понятие «power», которое по смыслу шире, нежели, например, authority, rule, domination или control). М. Манн определяет власть как способность достигать своих целей через овладение окружающей средой, в том числе социальной, и считает ее основным фактором развития обществ. Общества, по М. Манну, конструируются множеством наславляющих друг на друга и пересекающихся сетей власти.

Таким образом, центральным понятием у исследователя выступает понятие власти. Именно с ее перераспределением М. Манн связывает возникновение беспорядка в упорядоченных институализированных процессах. Условно его теорию можно рассматривать

с двух сторон. Во-первых, представляют интерес положения о четырех источниках социальной власти, отражающие параметры институционализации общественных отношений: опираясь на них, исследователь формирует каркас представлений о том, как в обществах формируется *порядок*. Во-вторых, важнейшую часть теории представляет описание «интерстициального возникновения», которое обеспечивает основания для введения в теоретическую схему представлений о перестройке системы, а в наших понятиях – о *беспорядке*. Начнем с краткого описания основных положений теории, касающихся упорядоченных институализированных отношений.

Теоретико-методологические основания теории М. Манна: источники социальной власти. М. Манн указывает, что «крупнейшими являются сети идеологической, экономической, военной и политической власти – четыре источника социальной власти» [8. С. 66], и прослеживает их взаимоотношения и влияние на социальную динамику разных обществ на протяжении значительных исторических периодов, опираясь на широкий ряд источников и детально разработанный теоретико-методологический подход.

Военную власть М. Манн определяет как социальную организацию концентрированного (т.е. мобилизованного и сфокусированного) летального насилия. Существование данного типа власти обусловлено необходимостью организации физической силы для целей защиты и нападения. Военная организация, представляя собой концентрированное принуждение, реализуется не только на поле боя или в военной кампании, но и институализируется в некоторых формах социального взаимодействия в мирное время. К милитаристским формам социального контроля, реализуемым в мирное время, М. Манн относит принудительный труд (примеры: барщина, рабство).

Под политической властью он понимает централизованную территориальную регуляцию общественной жизни, подразумевая, что территориально-пространственной формой обладает только государство. Так как политическая власть с необходимостью централизована и локализована, политические отношения могут затрагивать только одну область – центр, в отличие от идеологического, экономического или военного источников власти, которые включаются в любые социальные отношения вне зависимости от расположения [9. С. 65]. При этом в «насильственных» (по выражению исследователя) государствах различие между политической и военной властью стирается, они сливаются.

Экономическая власть осуществляется через «социальную организацию извлечения, трансформации, распределения и потребления объектов природы». Классы, под которыми М. Манн понимает исключительно «группировки, организующиеся вокруг этих задач» [8. С. 61], формируют большую часть отношений, связанных с социальной стратификацией, хотя и не являются, по М. Манну, марксовским «локомотивом истории».

Одна из отличительных особенностей идеологической власти состоит в том, что она распространяется на более широкие социальные пространства, чем

остальные источники власти, олицетворенные государствами, армиями или способами экономического производства. Идеологическая власть «объясняет и отражает аспекты социальной жизни, которые существующие доминирующие институты власти... не объясняют и не организуют эффективно». Идеологическая власть объединяет понятия и категории, придающие смысл мировосприятию, нормы морали, а также эстетические и ритуальные практики.

Власть с наибольшей эффективностью реализуется там, где есть доступ к ресурсам и средствам их организации: логистике, инфраструктуре, распределению. Соответственно, наиболее полно развивается тот социальный процесс, что организован лучше прочих и обеспечивается в рассматриваемом периоде максимумом ресурсов. Поэтому допустимо трактовать источники власти М. Манна как социальные процессы, интерпретированные с акцентом на отношения доминирования и подчинения в рамках ресурсного подхода. Важно, что упорядочивание отношений власти в каждом из источников и между ними приводит к тому, что со временем эти отношения приобретают устойчивую форму в социальных институтах, т.е. обеспечивают социальный *порядок*.

Беспорядок в упорядоченных процессах: роль интерстициального возникновения в институализированных социальных отношениях. Тем не менее в своей теоретической схеме М. Манн далек от идеализации и признает, что разделение источников власти (или изолированное рассмотрение социальных процессов) недопустимо: автономных (сугубо политических, социальных, идеологических, военных) процессов в реальности не существует. Каждый социальный процесс, как правило, находится в сложном взаимодействии с другими, поэтому каждый институт или организация являются результатом смешивания нескольких источников власти. И именно это смешение и приводит к тому, что внутри упорядоченных и институализированных социальных процессов начинает зарождаться новый элемент, который в теории М. Манна носит название «интерстициальное возникновение» (Interstitial Emergence).

Вообще прилагательное «интерстициальный» имеет отношение к медицине. Им обозначается процесс образования соединительных клеток в структуре сплошной ткани паренхиматозных органов. Если процесс образования таких клеток имеет патологическую природу, то он может привести к интерстициальным нефритам, миокардитам, пневмониям. По-видимому, метафору можно истолковать, если под работающим органом понять некоторый социальный процесс или институализированный источник власти, а под интерстицией – инородное образование, развивающееся в его структуре. Действительно, интерстициальное возникновение обозначает феномен, которым М. Манн описывает начало процесса перестройки устоявшихся социальных процессов и институтов, т.е. переход от порядка к беспорядку.

Источником интерстициального возникновения является трансформация человеческих целей в организационные средства, а результатом – возникновение конкурирующих конфигураций в рамках суще-

ствующих институализированных сетей власти. М. Манн пишет, что «общества никогда не были в достаточной степени институализированными для предотвращения интерстициального возникновения. Человеческие существа создают не унитарные общества, а разнообразие пересекающихся сетей социального взаимодействия. Наиболее важные из них оформлены относительно стабильно вокруг четырех источников власти в любом социальном пространстве. Но их основу составляют люди, активно ищущие средства для достижения своих целей и формирующие новые сети, расширяющие старые» [8. С. 49].

То, что М. Манн акцентирует роль не института, а целеполагающего человека как основного движителя социальных изменений, реализуемых через интерстициальное возникновение, не случайно. Он подчеркивает, что люди являются социальными, а не социальными существами, тем самым распределяя исследовательское внимание между изучением упорядоченных и стабильных институализированных взаимодействий и рассмотрением социальных, которые, хотя и включают в себя рациональное начало, но часто могут быть спонтанными, непреднамеренными и неожиданными. Люди в процессе реализации своих целей формируют бесконечные множества отношений, формализация которых в рамках социальной теории невозможна и бессмысленна. Тем не менее именно на этом микроуровне взаимодействий закладываются основы для интерстициальных изменений, способных впоследствии существенно преобразовать упорядоченные социальные институты. Необходимость учета одновременно обозначенных микро (человеческих) и макро (институциональных) взаимодействий ставит исследователя перед необходимостью найти свой «срединный путь» в рамках теории. М. Манн решает это затруднение за счет принятия допущения о том, что многообразие социальных отношений, возникающее «вокруг наиболее мощных организационных средств», постепенно упорядочивается, объединяясь в «широкие институциональные сети детерминированных стабильных форм». Одновременно за счет того, что часть социальных сетей, хотя и имеют некоторую степень структурированности и воспроизводимости, тем не менее, «остаются интерстициальными по отношению и к четырем источникам власти, и к доминирующим организационным конфигурациям», они в конце концов продуцируют появление более мощных конкурирующих сетей и реорганизуют уклад социальной жизни [8. С. 49]. Это позволяет М. Манну описывать переход от микро- к макроуровню социальных отношений, одновременно не выпуская из поля исследовательского внимания ни один из них.

В качестве иллюстраций своего концепта М. Манн приводит буржуазию, которая как экономический класс интерстициально возникла в рамках феодального общества; говорит об интерстициальных причинах появления социального неравенства в древних обществах, причудливо объединивших разнообразные факторы; считает, что христианство появилось также интерстициально, став выразителем универсальных и космополитических ценностей. Также интерстици-

альное возникновение характерно не только для макроисторических процессов, но может быть зафиксировано в отдельных государствах или даже локальных сообществах. Так, описывая динамику конфликтов с этнической составляющей на территории позднего СССР, М. Манн аргументирует, как интерстициально возникшая оппозиционная идеология, основанная на уверенности в том, что при помощи реформ построение «социализма с человеческим лицом» возможно, привела к формированию народных оппозиционных движений и националистически настроенных сил на границах, что сыграло важную роль в развале Советского Союза.

В целом теория четырех источников социальной власти в сочетании с концептом интерстициального возникновения позволяют определить источник изменения, которое появляется за счет взаимодействия между старыми институализированными социальными сетями и интерстициально возникающими новыми.

Таким образом, М. Манн расширяет теоретические границы своего описания социальных систем, рассматривая одновременно два сценария их функционирования. Первый сценарий – привычный для социальных наук – предполагает описание поступательно-го, плавного развития социальной системы в рамках глубоко укоренившихся институтов. Такой сценарий если и предполагает изменение системы, то только в виде постепенной трансформации. Второй сценарий – теоретическое нововведение М. Манна, процесс интерстициального возникновения – имеет отношение к такому перераспределению ресурсов и сил в рамках существующих систем, которое ведет к реорганизации сетей социального взаимодействия, возникновению новых отношений и институтов. Именно через понятие интерстициального возникновения в теорию вводится элемент случайности и незапланированности, привносящий *беспорядок* в институализированную систему. Впрочем, этот интерстициальный беспорядок, набирая силу и институализируясь, приобретает для социальной системы статус нового порядка.

Можно сказать, что в теории М. Манна условному беспорядку отводится одна из центральных ролей в трансформации отдельных сообществ и историческом процессе в целом. Возведение М. Манном социального беспорядка в виде процесса интерстициального возникновения в статус социального феномена наряду с описанием социального порядка, основанного на четырех институализированных источниках власти, позволяет фиксировать многообразие проявлений реальной жизни и одновременно делает подход достаточно гибким и способным объять широкий круг социальных феноменов.

Теория источников социальной власти и другие подходы к описанию социальных процессов. Теоретико-методологические основания подхода М. Манна обеспечивают его отличительность от других подходов социальных наук. В то время как в большинстве социологических и исторических подходов принята национально-государственная модель (т.е. государство рассматривается как целостный объект), анализ М. Манна не ограничивается государственными гра-

ницами, так как в его теории государство представляет собой лишь один из источников власти, а другие источники с легкостью эти границы пересекают, распространяя свое влияние на значительные территории. Учитывая, что влияние национально-государственной модели распространилось также на антропологию и другие науки о человеке в виде представления о национальной (т.е. тоже взятой в границах государства) культуре, то и от них подход М. Манна в этом смысле отделен. Можно возразить, что значительная часть современных исследователей также уходит от национально-государственной модели, обращаясь к анализу транснациональных отношений. М. Манн отмечает, что такого рода анализ, как правило, опирается на одно понятие – например, капитализм или индустриализм – как центральное и сводит весь спектр социальных отношений к нему, чего он старается избегать, отстаивая убеждение об отсутствии «основного понятия или основной единицы общества» [8. С. 30].

В том, что касается социологических теорий, общепринятых как ортодоксальные (например, марксизм, структурализм, структурный функционализм, эволюционизм, теория действия), то с ними М. Манн проводит демаркационную линию, опираясь на то, что он, в отличие от озвученных теорий, уходит от категории общества как центральной («тотальной») единицы анализа, перенеся фокус внимания на сети власти. Сам автор маркирует свою теорию как ориентированную на структурно-символический интеракционизм, подчеркивая зафиксированную им двойственность социальных процессов как детерминированных, с одной стороны, институциональным развитием, а с другой – интерстициальным возникновением, вызванным «креативным действием групп» [8. С. 6].

Возвращаясь к центральной теме данной работы, а именно к разделению социальных теорий на тяготеющие к топикам социального порядка или беспорядка и отнеся теорию М. Манна ко вторым, обозначим другие направления, к которым, на наш взгляд, подход М. Манна близок с точки зрения этой интенции. В наиболее выраженном виде идея важности осмысления социального беспорядка в научном знании акцентирована в теориях, развивающих идеи И.Р. Пригожина применительно к наукам об обществе. Эти идеи базируются на понимании того, что хаос (термин, который, с некоторой долей условности мы решили считать синонимом беспорядка) и порядок могут существовать одновременно в рамках системы, что именно хаос порождает порядок, является его основой, а не дисфункцией системы [9]. Кроме того, следует упомянуть об акторно-сетевой теории, которую роднит с работами М. Манна не только очевидный фокус на рассмотрении сетей как каналов, формирующих отношения власти, но и отношение к беспорядку на уровне методологической установки: «Вместо того, чтобы начинать с универсальных законов социального или природного, начинаем с неприводимых, несоизмеримых, не связанных локальностей, которые затем обретают значение, иногда заканчиваясь временно соизмеримыми соединениями. Благодаря этому

обращению... АСТ имеет некоторое сходство с порядком из беспорядка или философией хаоса (М. Серра, И. Пригожина и И. Стенгерса)» [10. Р. 372].

В целом можно говорить о повороте к исследованию беспорядка (хаоса) как онтологической категории в рамках постнеклассической стадии развития социальных наук, которое вызвано такими причинами, как осознание пределов познания законов развития человека и общества; влияние теорий о сложных динамических системах на развитие наук об обществе; ощущаемая необходимость пересмотреть устоявшиеся концепции и подходы. Обобщая эти причины, Ж. Делез и Ф. Гваттари делают вывод о том, что «если устойчивые аттракторы (неподвижные точки, круги-пределы, торы) и впрямь выражают собой борьбу науки против хаоса, то странные аттракторы обличают ее глубинное влечение к хаосу, а равно и образование хаосмоса внутри современной науки» [11. С. 257].

Заключение. Таким образом, те процессы и явления, которые в теориях социального порядка могли бы быть описаны как случайные и незапланированные или вовсе не попасть в фокус исследовательского внимания, у М. Манна приобретают важное, практически центральное значение. Это позволяет по-новому взглянуть на понятие когерентности социальных процессов и трактовать его не только как упорядоченную взаимосвязанность и взаимозависимость элементов социальной среды, но и как порядок, потенциально содержащий в себе возможность перехода к беспорядку.

Мы считаем, что подход М. Манна в целом и концепция интерстициального возникновения в частно-

сти эвристичны для выявления факторов, структуры, направленности и закономерностей динамики социальных процессов, а также способны дать им достаточно тонкую интерпретацию по ряду причин. Во-первых, обращение к концепту интерстициального возникновения позволяет смотреть на социальные явления, не укладывающиеся в матрицу существующей социальной теории, как на самостоятельные объекты для изучения и тем самым расширять область познаваемого, а также уточнять и улучшать теорию. Во-вторых, полезной видится установка рассматривать интерстициально возникающие явления в широком контексте, с точки зрения их влияния на всю социальную систему в целом: на существующие социальные институты и когерентные, устоявшиеся социальные процессы. Наконец, в соответствии с принципом о том, что социальные процессы не могут рассматриваться изолированно, концепция интерстициального возникновения может быть интересна для практики социально-философских наук при описании феноменов, возникающих на пересечении разных социальных процессов – политических, экономических, культурных и других.

В целом, по нашему мнению, пренебрежение темой социального беспорядка существенно ограничивает эвристические возможности наук об обществе, ведь ее актуализация может способствовать обогащению теоретико-методологического аппарата социальных наук и давать более тонкую исследовательскую интерпретацию когерентности социальных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кильдюшов О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 122–149.
2. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
3. Parsons T. Order as a Social Problem. Seattle: University of Washington Press, 1968.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
5. Социальный беспорядок // Социология организаций и управления. Словарь основных понятий. URL: <https://voluntary.ru/termin/socialnyi-besporjadok-ili-socialnaja-anomija.html> (дата обращения: 10.02.2021).
6. Карасев Д.Ю. Историческая социология власти Майкла Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX, № 4 (87). С. 5–23.
7. Mann M. The Sources of Social Power, Volume II: The Rise of Classes and Nation-States. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 839 p.
8. Манн М. Источники социальной власти. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: РАНХиГС, «Дело», 2018. 760 с.
9. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
10. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // Soziale Welt. 1996. № 47. P. 369–381.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетея, 1998. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 апреля 2021 г.

Coherence of Social Processes in Topics of Social Order and Disorder: To the Concept of Interstitial Emergence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 81–86.

DOI: 10.17223/15617793/471/9

Olga A. Persidskaya, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Keywords: social philosophy; theories of social sciences; coherence of social processes; social order; social disorder; interstitial emergence; Michael Mann.

The author notes that a significant part of the theories of social philosophy that describes approaches to the coherence of social processes, implicitly substantiates structures that were formed in accordance with the idea of social order. T. Hobbes, M. Weber, T. Parsons, P.A. Sorokin, and some representatives of the theory of social synergetics are given as representatives of the theories of “social order”. The author infers that a large number of theories and concepts in social philosophy are built around the definition of the conditions for the formation and stable existence of order and the description of its various forms. Much less attention is paid to various types of dysfunctionality, externality, and other unintended social consequences of order itself. In this regard, social disorder is taken beyond the limits of theoretical and methodological understanding. In order to expand the theoretical and methodological toolkits of social sciences, the author proposes to turn to the topic of social disorder. Although approaches that imply social disorder are not used as often as “ordering” approaches, the former should not be deprived of the attention of social philosophers, as they can

enrich their understanding of the ways of forming social structures. As an approach that includes disorder in interpreting the coherence of social processes, the author gives a description of the theoretical and methodological framework and, in more detail, the phenomenon of interstitial emergence in Michael Mann's theory. His approach to the definition of the state and society, social processes, is considered. Mann's approach to power and its four types, which the theorist identifies as the main ones for analysis – military, political, economic and ideological, are also described in detail. Mann interprets interstitial emergence as the emergence of competing configurations within the existing institutionalized networks of power. This emergence has a complex nature, it occurs at the intersection of different networks of power, it is difficult to predict or plan. The correlation of theories with the topics of social order and disorder, carried out in this article, allows concluding that interstitial emergence means a partial destruction or transformation of the first and the transition to the second. At the same time, the elevation of social disorder to the status of a social phenomenon allows Mann to fix the variety of manifestations of real life and at the same time makes his approach quite flexible, able to embrace a wide range of social phenomena and link social processes in a coherent scheme. The author concludes that, although Mann's approach is limited in its predictive capabilities due to the emphasis on randomness and involuntariness in the study of social processes, it has a heuristic potential for identifying factors, structure, directions, and patterns of their dynamics, and it is also capable of giving a rather sophisticated interpretation of the occurrences of coherence and incoherence in social processes.

REFERENCES

1. Kildyushov, O. (2016) The Problem of Social Order (Hobbesian problem): to Heuristics and Pragmatics of the Constitutive Question of Modern Theory of Society. *Sociologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 15 (3). pp. 122–149. (In Russian).
2. Weber, M. (2006) *Izbrannoe: protestantskaya etika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
3. Parsons, T. (1968) *Order as a Social Problem*. Seattle: University of Washington Press.
4. Sorokin, P.A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [The Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel'.
5. Voluntary.ru. (2021) *Social disorder*. [Online]. Available from: <https://voluntary.ru/termin/socialnyi-besporjadok-ili-socialnaja-anomija.html> (Accessed: 10.02.2021). (In Russian).
6. Karasev, D.Yu. (2016) The Historical Sociology of Power by Michael Mann. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology (JSSA)*. XIX.:4 (87). pp. 5–23. (In Russian).
7. Mann, M. (1993). *The Sources of Social Power, Volume II: The Rise of Classes and Nation-States*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Mann, M. (2018). *Istochniki sotsial'noy vlasti*. [The Sources of Social Power]. Translated from English. Volume I. Moscow: RANKhiGS; “Delo”. (In Russian).
9. Prigogine, I. (1991). Philosophy of instability. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 46–57. (In Russian).
10. Latour, B. (1996). On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications. *Soziale Welt*. 47. pp. 369–381.
11. Deleuze, G. & Guattari, F. (1998). *Chto takoye filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian).

Received: 05 April 2021